

УДК 329 (47+57)ВКП (б):930.1

РОЛЬ СОВЕЩАНИЯ ИСТОРИКОВ 1944 ГОДА В ЦК ВКП (б) В РАЗВИТИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

О.В. ГРИШАЕВ*Воронежский государственный
университет**e-mail: grishaev@main.vsu.ru*

Значение совещания историков в 1944 года в ЦК ВКП (б) в развитии концепции русской истории в советской историографии.

Ключевые слова: совещание историков 1944 года в ЦК ВКП (б), советская историография русской истории

Это совещание сыграло особую роль в утверждении советской историографии русской истории¹. В работе совещания участвовали известные советские историки, в основном специализировавшиеся по истории дореволюционной России, секретари ЦК ВКП (б) А. А. Андреев, Г. М. Маленков, А. С. Щербаков, группа ответственных работников аппарата ЦК ВКП (б), ведавших идеологической, организационно-партийной и кадровой работой. Председательствовал на заседаниях А.С. Щербаков². Совещание открылось 29 мая 1944 г. Последующие заседания состоялись в июне-июле 1944 года. Причиной созыва совещания было то, что к началу 1944 г. в ЦК ВКП (б) была получена информация об отступлениях ряда историков от марксистско-ленинской методологии и трактовок исторических событий. В частности, ученица М.Н. Покровского, член - корреспондент АН СССР, заместитель директора Института истории АН СССР А. М. Панкратова доносила в ЦК, что требования пересмотра историографии главным образом идут от представителей «школы Ключевского», которые «теперь открыто гордятся своей принадлежностью к этой школе»³ (Е.В. Тарле и др.). Своих оппонентов А.М. Панкратова обвиняла в «полном отходе» от марксизма-ленинизма и «протаскивании под флагом патриотизма самых реакционных и отсталых теорий, уступок всякого рода кадетским и еще более устарелым и реакционным представлениям и оценкам в области истории, отказ от классового подхода к вопросам истории»⁴. Некоторые историки, воодушевленные резким нарастанием национально-государственных элементов в официальной пропаганде в годы войны, призывали «добить национальный национализм» (руководитель Высшей дипломатической школы проф. С.К. Бушуев, автор биографии А.М. Горчакова, номинированный на Сталинскую премию)⁵.

А.В. Ефимов и А.И. Яковлев готовили историографическое издание, призванное отразить национально-патриотический курс, и по, слухам, планировали реабилитацию трудов П.Н. Милюкова и Ключевского. С.К. Бушуев выступал за переоценку деятельности таких фигур как Аракчеев, славянофилы, Катков и Победоносцев, пересмотр в более положительном свете имперской внешней политики Александра I и Николая I. Е.В. Тарле, считавшийся лидером «национального» направления склонен был рассматривать им-

¹ См.: Бурдей Г.Д. Историк и война. 1941-1945. Саратов, 1991. С. 150-158; Константинов С.В. Несостоявшаяся расправа (О совещании историков в ЦК ВКП (б) в мае-июле 1944 года) // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1994. С. 254-268; Чапкевич Е.И. Пока из рук не выпало перо... Орел, 1994. С. 152-153; Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа и сторики. СПб., 1995. С. 80-85; Бранденбергер Д.Л., Дубровский А.М. Итоговый партийный документ совещания историков в ЦК ВКП (б) в 1944 г. (История создания текста) // Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999. С. 148-160; Дубровский А.М. Историк и власть. Брянск, 2005. С. 424-489; Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самознания. 1931-1956. СПб., 2009. С. 139-159.

² Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 // Вопросы истории. 1996. №№ 2-7, 9.

³ Стенограмма... // Там же. № 2. С. 49

⁴ Письма Анны Михайловны Панкратовой // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 55.

⁵ Дубровский А.М. Историк и власть. Брянск, 2005. С. 432.

перскую территориальную экспансию как позитивное явление, поскольку в настоящем это увеличило способность СССР защитить население от немецкой угрозы⁶.

Это не устраивало ортодоксов образца 1930-х гг., кто не сколько занимался исследовательской работой, как вел «идейную борьбу за торжество марксизма».

Подготовкой и проведением совещания занимался идеологический аппарат ЦК. В ходе совещания внимание работников аппарата и историков было сконцентрировано на следующих основных проблемах: критике русского национализма, о котором открыто заговорили некоторые историки, сильном негативном влиянии школы Покровского, выражающихся в слабом освещении историками героического прошлого русского народа, жизни и деятельности выдающихся людей России, в отрицательной оценке (как абсолютного зла) процессов присоединения к России нерусских народов; имела место критика антимарксистских взглядов, в частности, отступления от методологического принципа: классовая борьба - движущая сила исторического процесса и т. д. В наибольшей степени критике подверглись академик Е. В. Тарле, которого считали лидером «великодержавных шовинистов» среди историков, член-корреспондент АН СССР А. И. Яковлев, его статьи, рецензии и книга «Холопы и холопство в Московском государстве в XVII веке», Х. Г. Аджемян, философ и публицист, автор статьи о кавказском мюридизме, присланной для публикации в «Исторический журнал», коллективные труды «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» (редакторы А. М. Панкратова и М. Абдыкалыков), и др. Установки ЦК на совещании были озвучены в выступлениях Е. Н. Городецко-го, С. М. Ковалева (историки, работавшие в аппарате ЦК) и других.

Главная задача ЦК и совещания 1944 г. состояла в критике «великодержавного шовинизма», проявившегося в военные годы в сочинениях ряда историков. Произошедшее в предвоенные и военные годы возрождение русской исторической науки, пусть и в редуцированной форме, появление серьезных монографических работ по всем основным периодам дореволюционной истории, русский национализм, частично в прагматических целях легализованный в ходе великой войны в ряде исследований явно обеспокоил правящую группировку. Необходимо было поставить жесткие идеологические преграды этому процессу, заставить работать историков в рамках исключительно формационного подхода и советского патриотизма.

К примеру, ортодокс Е.Н. Городецкий как пример абсолютно недопустимых антимарксистских и антиленинских идей привел заявление А.И. Яковлева, на заседании в Наркомпросе 7 января 1944 г. : «Мне представляется необходимым выдвинуть на первый план мотив русского национализма. Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз, относимся к ним любовно. Но русскую историю делал русский народ. И мне кажется, что всякий учебник о России должен быть построен на этом лейтмотиве. Совмещать с этим интерес к 100 народностям, которые вошли в наше государство, мне кажется неправильным. Мы, русские, хотим истории русского народа, истории русских учреждений, в русских условиях. И радоваться, что киргизы вырезали русских в свое время, или, что Шамиль боками сумел противостоять Николаю I, мне кажется, неудобно в учебнике»⁷. Кроме того, Яковлев призвал к дальнейшему развитию традиций Ключевского⁸. Выступающие на совещании представители ЦК и обслуживающие их историки подчеркнули недопустимость подобных умонастроений среди части историков, призывая трактовать историю России и СССР как многонационального государства (следует отметить, что и на уровне учебников и на уровне монографий эта задача оказалась в принципе невыполнимой).

Одним из итогов совещания 1944 г. было то, что была сохранена в неприкосновенном виде доктрина роли классов и классовой борьбы в историческом процессе, в подвергнутая беспрецедентной для того времени критике философом и публицистом Х.Г. Аджемяном. Последний, в своем выступлении на совещании, направленном против нигилистической трактовки русского прошлого, в частности, заявлял: «наша рассудочная, не доходящая до ступени разума историография льнула к образам Разина, Болотникова, Пугачева, Радищева, декабристов и опасалась деяний и значения Дмитрия Донско-

⁶ См.: Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самознания. 1931-1956. СПб., 2009. С. 146-147.

⁷ Стенограмма совещания... // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 82-83

⁸ Письма Анны Михайловны Панкратовой. С. 69.

го, Александра Невского, Ивана Грозного, Петра Первого, Суворова и т.д. Почему? Потому, что первые выступали против государства, государственного гнета своего времени, вторые же, наоборот, ратовали за укрепление и возвеличение государства, его мощи, его независимости и суверенности. Первые разрушали, вторые – строили». Аджемян характеризовал как «дикие домыслы» официозное понимание классовой борьбы, при котором «народ выступает на арену истории как субъект лишь тогда, когда нужно разрушать, бунтовать, поднимать восстания и мятежи». В качестве примера подобных «домыслов» Аджемян приводил марксистскую интерпретацию пугачевского бунта, заявляя, что «государство Екатерины II в условиях конца XVIII в. не в такой уж степени было антинародным, а Пугачев, воюющий за «лучшего царя», был не таким уж преданным делу народа вождем. Сами массы, поднятые им, не могли еще толком понять, за что они взялись за топор, вилы и оружие, и их победа способна была поставить под удар секиры политическую мощь России, могла широко открыть ворота перед иноземными захватчиками и даже на время вывести ее из числа мировых держав в силу отсутствия более достойного, зрелого преемника государства Романовых ... при победе Пугачева Россия повернулась бы в пучину кровавого одичания, а слова самого Емельяна: «Бог наказал Россию через мое окаянство» осуществились бы в гораздо более крупных масштабах»⁹. Характеризуя подобным образом Е. Пугачева, Аджемян в тоже время утверждал: «люди, носящие блестящие эполеты, украшенные дорогими парчами, орденами, а иной раз и короной, выступают перед нами из тумана прежних столетий как воплощение народного духа, народной воли, народной – мощи, как и народной немощи и бессилия, носителями национальных стремлений и национального самосознания». К ним он относил фельдмаршала Румянцева, занимающего Берлин, Суворова – штурмующего Измаил, Ермолова, завоевывающего горцев Дагестана, и даже императора Александр I – вступающего победителем в Париж»¹⁰.

Фактически роль шла об объективном освещении деятельности крупных исторических фигур прошлого, принадлежавших к «эксплуататорским классам». Более того, Аджемян критически отзывался о традиционном для советской историографии воспевании «пламенных революционеров»: «росчерком пера расправляясь с «палачами народов», которые при ближайшем рассмотрении часто оказывались проводниками и творцами прогрессивных стремлений истории, рассудочная историография придумывала утешительные антитезы. Она культивировала галерею химерических «революционеров», «борцов за свободу народа», которые противопоставлялись указанным «палачам»¹¹.

Марксистский ортодокс Б.М. Волин следующим образом отреагировал на подобные заявления (впрочем, речь в данном случае шла об одном из высказываний С.К. Бушуева, в какой-то мере единомышленника Аджемяна): «Как может поворачиваться, товарищи, язык у партийного советского человека, у большевистского пропагандиста-историка говорить о Каткове, Победоносцеве или об Аракчееве что-нибудь доброе! Ведь это же смердящие трупы!»¹².

Следует признать справедливость замечания Д.Л. Бранденбергера, что игнорирование оппонентами Панкратовой «классового анализа и этики «дружбы народов» было ... беспрецедентным»¹³.

Говоря о произведениях Маркса и Энгельса, составляющих методологическую основу советской исторической науки Аджемян высказывал совершенно «крамольную» мысль: «знание России не составляло сильную сторону этих наших учителей. Главное, они не учли и не могли учесть, что Россия не есть проселочная тропа по отношению к столбовой дорожке мировой истории, а наоборот, ей-то и принадлежит высокая честь составлять своей историей последнюю фазу этого великого тракта»¹⁴.

⁹ Стенограмма совещания ... // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 62.

¹⁰ Стенограмма совещания... // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 61.

¹¹ Стенограмма совещания ... // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 63-64

¹² Стенограмма совещания ... // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 83.

¹³ Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самознания. 1931-1956. СПб., 2009. С. 147.

¹⁴ Стенограмма совещания... // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 66

В результате в ходе совещания были признаны идеологически неприемлемыми высказывания академика Б.Д. Грекова об имевшем место в конкретных обстоятельствах тождестве интересов и нераздельности государства и народа в историческом прошлом России. Греков на совещании настаивал на истинности своей позиции: «Я продолжаю считать, что государство, являясь органом господствующего класса, осуществляет интересы, нередко совпадающие с интересами народа»¹⁵. В ответ выступающие оппоненты Грекова подчеркивали, что «единство государства и народа» могло быть характеристикой исключительно политической системы Советского государства с постулируемым отсутствием классовых антагонизмов. В частности, Е.Н. Городецкий заявил, что ««теория» нераздельности государства и народа ... является отказом от классовой оценки государства... ведет к смазыванию принципиального различия Советского государства от предшествующих ему государственных форм. Только Советское государство является организацией единства нации. Следовательно, нельзя переносить единство советского народа и государства на историческое прошлое»¹⁶.

Резкой критике подвергся академик Е.В. Тарле, который пытался изменить марксистскую оценку территориальным приобретениям России, развивал идею «наименьшего зла» для нерусских народов в присоединении к России, призывал признать ее цивилизаторскую роль на Востоке. Кроме того, он выступил против положений «царская Россия – жандарм Европы», «царская Россия – тюрьма народов». Еще до совещания Е.В. Тарле утверждал, что формула, что царизм является «жандармом Европы», «является ни чем иным, как шаблоном, каноном, шорами, которые мешают правильно рассматривать и оценивать внешнюю политику... Имеются как бы две пары темных очков, которые так долго были надеты на глаза историков, особенно русских. Первая пара – о роли России как «жандарма Европы». Вторая пара темных очков, еще больше мешающая видеть действительность, – это взгляды на Россию приблизительно в 20 – 30-х годах. Ненависть к России как силе, которой приписывалось основное реакционное движение, заставляя предьявлять к ней и основное обвинение в захватнических намерениях»¹⁷. Говоря подобным образом, Е.В. Тарле явно хотел использовать державные устремления Сталина и его соратников, обозначившихся к концу войны для пересмотра объективно антирусских и антигосударственных постулатов, характерных для интерпретации истории внешней политики России, восходящей к оценкам основоположников марксизма. Однако его аргументация была охарактеризована на совещании как отступление от марксистско-ленинской методологии, как попытка обелить царизм и его колониальную политику. С точки зрения легитимности советского политического режима это было логично, в противном случае неизбежно возник вопрос: против каких негативных черт царского режима была направлена Октябрьская революция? В итоге Тарле отказался от своих заявлений. После окончания совещания, он писал А.С. Щербакову, что всегда считал царизм жандармом Европы, а Октябрьскую революцию – рубежом в истории России и всего мира, никогда не говорил «такой глупости», что пространство – главное наше преимущество в обороне¹⁸.

Большое место на совещании заняла критика книги «История Казахской ССР», основным редактором которой являлась А.М. Панкратова. Предполагалось, что книга может послужить образцом при подготовке аналогичных трудов по истории других национальных республик. Панкратова рассчитывала получить за эту книгу Сталинскую премию, однако книга получила неблагоприятные отзывы со стороны «великодержавных шовинистов». В отзывах о книге отдельных историков (в частности, А. И. Яковлева) отмечалось, что авторы не смогли в полной мере оценить тенденцию продвижения России в Казахстан и Среднюю Азию как объективно обусловленную всем ходом общественного развития, исторически прогрессивную, преувеличили значение имевших место антирусских восстаний и других выступлений в складывавшихся взаимоотношениях двух народов. За этой книгой утвердился ярлык «антирусская». В целом восторжествовала оценка книги, сделанная партийными идеологами, согласно которой «Россия изображается ... как злейший и самый опасный враг нерусских народов, а присоединение указанных народов к России рассматри-

¹⁵ Стенограмма совещания... // Вопросы истории.. 1996. № 4. С. 86.

¹⁶ Стенограмма совещания... // Вопросы истории.. 1996. № 4. С.83

¹⁷ Стенограмма совещания... // Вопросы истории.. 1996. № 3. С. С. 90.

¹⁸ Стенограмма совещания... // Вопросы истории.. 1996. № 2. С. 52

вается как абсолютное зло для них. Вместе с тем в этих работах не показывается ведущая роль русского народа в образовании и развитии многонационального государства в России»¹⁹. Таким образом, была отвергнута концепция, восходящая к Покровскому, которая любое антирусское националистическое движение трактовала как «прогрессивное» и «освободительное». Кроме того, едва ли не все выступившие на совещании историков «ритуально» отмежевались от «школы Покровского» в целом, а не только по вышеупомянутому частному вопросу. Представляется, однако, что осуждение «покровщины» не было основной задачей совещания, она была в основном выполнена еще в довоенные годы и реанимация взглядов Покровского исключалась в силу многих факторов, главным из которых был тектонический сдвиг в сторону «руссоцентризма» в научной, культурной и общественной жизни, произошедший во время войны.

Совещание историков длительное время входило в категорию закрытых мероприятий ЦК. Никакой информации о нем в периодической печати не публиковалось. Значение совещания в том, что оно окончательно определило границы усвоения наследия дореволюционной исторической науки советскими историками. В предвоенные годы и в военные появилось большое число монографических исследований, написанных с державно-патриотических позиций, что было немыслимо в годы господства линии М.Н. Покровского и его последователей. Однако, русскому патриотизму, «руссоцентризму», востребованному в годы войны с точки зрения политического режима необходимо было поставить определенные ограничения. Были четко определены своего рода методологические «демаркационные линии», за которые категорически нельзя было заходить и те основополагающие постулаты советской исторической науки, которые в принципе не могли подлежать какому-либо пересмотру. В противном случае, это могло, в конечном счете, привести к делегитимации существующей власти, возникшей в результате событий 1917 и последующих годов. Как выразился С.М. Ковалев, заведующий отделом Управления пропаганды и агитации ЦК: «Если игнорирование реакционных моментов в истории нашей страны до 1917 г. ведет к тому, что Октябрьская социалистическая революция становится немотивированной, то, с другой стороны, принижение прогрессивных явлений в истории России, затушевывание передовых сил,двигающих исторический процесс вперед, приводит к тому, что пролетарская революция становится незакономерной»²⁰. Как писал А.М. Дубровский, «проводилась борьба на фронта – и против возвеличения царской политики, неумеренного воспеваания дореволюционной России и против очернения прошлого страны»²¹. Отныне историки были обязаны работать исключительно в рамках сложившейся марксистско-ленинской парадигмы, формационного подхода и советского патриотизма. Такой подход жестко и бдительно сохранялся вплоть до 1987 года.

THE SIGNIFICANCE OF THE MEETING OF HISTORIANS IN THE CENTRAL COMMITTEE OF THE CPSU (B) IN 1944 FOR THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF RUSSIAN HISTORY IN THE SOVIET HISTORIOGRAPHY

O.V. GRISHAEV

Voronezh State University

e-mail: bo@bsu.edu.ru

The significance of the meeting of historians in the Central Committee of the CPSU (b) in 1944 for the development of the concept of Russian history in the Soviet historiography.

Keywords: the meeting of historians in the Central Committee of the CPSU (b) in 1944, the Soviet historiography of Russian history.

¹⁹ Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП (б). 1944 // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 197.

²⁰ Стенограмма совещания... // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 76.

²¹ Дубровский А.М. Историк и власть. Брянск, 2005. С. 473.